

А была ли оккупация?

В нашем официальном календаре 17 июня значит как День оккупации Латвийской Республики. Авторы книги «Черновики будущего» предлагают свой взгляд на события 1939 и 1940 годов, определившие судьбу Латвии на многие десятилетия.

Перевод Ины ОШКАЯ

Именно отношение к оккупации по-прежнему является главным критерием для деления жителей Латвии - на своих и чужих, правильных и неправильных, на тех, с кем можно сотрудничать, и тех, с кем никакие переговоры в принципе невозможны... Наше общее прошлое жестко определяет наше общее настоящее, и 20 лет жизни в независимом государстве в этом смысле практически ничего не изменили.

О самом сложном времени в истории латвийского государства, с сентября 1934 по сентябрь 1941 года, рассказывает книга «Черновики будущего» (которая пока издана только на латышском языке).

Авторы книги - президент Балтийского форума Янис Урбанович, председатель правления Института современного развития Игорь Юргенс (Россия) и публицист, председатель Союза журналистов Латвии Юрис Пайдерс - подчеркивают, что «Черновики будущего» никоим образом не претендуют на статус академического исследования.

Книга знакомит читателей с выводами и оценками, к которым пришли Урбанович, Юргенс и Пайдерс, изучив архивные документы, свидетельства очевидцев, газетные публикации и другие материалы о прошлом нашей страны. И сделанные авторами выводы очень серьезно отличаются от принятой трактовки событий 70-летней давности. Форма для написания книги была выбрана максимально свободная - это разговор авторов, которые дискутируют, уточняют или дополняют друга друга.

Предлагаем читателям «Часа» фрагмент из «Черновиков будущего».

О догмах и клише

В 1940 году Карлис Улманис признал, что в предыдущие 3- 4 года в стране не было денег не то чтобы для вооружения, но и для обмундирования для солдат.

Юрис Пайдерс: «Каждый член общества всегда находится в поле определенной идеологии, хотя мы можем эту идеологию даже не замечать или относиться к ней скептически. Но фундаментальная проблема такова - живя в поле этой идеологии, мы вдохновляемся от нее и зачастую принимаем за истину кажущиеся пустяки, которые просто не проверяем или не можем проверить. Именно это происходило в течение последних 20 лет по отношению к истории Латвии. Официально поддерживалась идеологическая конструкция, демонстрировавшая необходимую

идеологическую картину, сильно противоречащую тому, что происходило на самом деле. Сформулирована одна догма: была оккупация. Показывается только 17 июня 1940 года и дальнейшие события, но не анализируется то, что было до этого, какие процессы происходили раньше».

Игорь Юргенс: «Историю нельзя воспринимать упрощенно. Решение, которое с тактической или стратегической точки зрения своего времени кажется правильным, может оставить долговременные последствия. Сталину решения о начале массовой коллективизации и высылке казались естественными, соответствующими идеологии государства и логике развития. Но, на мой взгляд, именно эти решения стали причиной того, что советская власть утратила симпатии большей части жителей...

Я убежден, что при принятии решений о Латвии не учитывалось, что в конце 30-х годов Латвия по большому счету уже сформировалась как страна с соответствующим западной цивилизации восприятием и мышлением.

И поэтому реакция оказалась противоположной той, какую ожидала советская власть. Мы можем провести параллели с историей Латвии XIX века. Когда давление немецких баронов стало невыносимым, протесты латышских крестьян проявились в массовом переходе в православие. Ответом на неразумную политику советской власти по отношению к Латвии стал внутренний переход к антисоветскому отношению».

Янис Урбанович: «Мне кажется, что подобные параллели можно проводить, но я бы проводил их по-другому. У Улманиса и политической элиты того времени была четкая цель - управлять страной в соответствии со своими взглядами и своим пониманием рационального управления. В 1990 и 1991 годах, когда в Латвии была заново создана форма государственного управления, все другие мнения (как это было и при выборе судьбы государства в 1939 году) определялись как неправильные, вредительские и антигосударственные.

Принятый в те времена тоталитарный стиль, при котором дискуссии невозможны, по большей степени сохранился, а ярче всего он проявился в 2008- 2011 годах, когда судьбоносные решения о будущем страны,

экономической независимости и будущем экономики принимались в таком же узком (если не в еще более узком!) кругу, как и во времена Улманиса. Только теперь на месте харизматичного Улманиса находится бухгалтерски мыслящий Валдис Домбровскис.

Точно так же, как и тогда, очень узкий круг делает выбор, который повлияет на развитие латвийского государства в течение десятилетий, а МВФ и Всемирному банку декларируется, что это выбор народа. В принципе ничего не изменилось. Только детали выбора политической элиты согласовываются не с прислужниками Сталина, а с экспертами МВФ.

А чтобы жители не заметили сходства, конструируется идеологическое клише об оккупации, в рамках которого даже дискуссия о слове «оккупация» уже является предательством. Была оккупация или нет? Если ты сомневаешься - ты чужой!»

Юрис Пайдерс: «Следует признать, что последние веяния еще суровее - «заткнуть рот» и ввести уголовную ответственность за отрицание оккупации».

Янис Урбанович: «...В Латвии подвергать сомнению интерпретацию недавней истории по-прежнему не разрешается. И чем мы отличаемся от Латвии 1918- 1940 годов? Восстановив Гражданский закон 1937 года, мы «рестартировали» Первую республику Улманиса - именно Улманиса, а не Квиесиса или Чаксте, вместе с ее идеологией, и живем в ней. Изменились актеры, изменились лидеры, дамы и господа. Но у нас по-прежнему нет диффузии между латвийскими русскими и латвийскими латышами. Потому что идеологически все время подается сигнал, что есть хорошие и плохие, наши и чужие. И оккупация, если мы говорим о ней, идеологически поднимается на уровень божества. А значит - никакого анализа. Нельзя говорить о том, что было плохо, а новому поколению предлагается культ Улманиса.

После завоевания Таллина отношение Германии к странам Балтии изменилось. Кокетничание с латышским патриотизмом закончилось и от латвийцев требовалось только послушание и точное исполнение предписаний оккупационного режима.

Чем дальше уходят от нас те времена, тем они кажутся лучше и приятнее. Людям, которые в те годы были молоды, кажется, что тогда и трава была зеленее, и небо - синее, и сами они - намного бодрее.

Ностальгия и возвращение к старой Конституции привело к тому, что мы сейчас так плохо живем.

Нам надо лечиться. Фактически всем, кто живет в Латвии, надо понемножку осваивать западное протестантское мировосприятие. Набираться мужества для того, чтобы иметь собственное мнение. Тогда необходимость в вождах уменьшится, а вожди, если их будут оценивать критически, будут работать с меньшим количеством ошибок и допустимых глупостей. Наша большая проблема состоит в том, что мы не критичны».

Кто воевал? А кто сдался сразу?

Юрис Пайдерс: «Если мы говорим о других исторических параллелях, то изменилась форма и проявления политики. Начало XXI века и в особенности события 2011 года в Ливии показали, что большие страны строят свою политику по отношению к маленьким странам с позиции брутальной силы. А именно: происходит брутальная реализация интересов больших стран на территориях маленьких стран - без какого-либо учета интересов этих маленьких стран, настроений народа или чего-либо подобного. И в 1939 году, и в 2011 году маленькие страны стоят перед выбором - согласиться с глобальным разделением и позволить интегрировать территории своих стран в сферу интересов крупных держав или нет.

Латвия в 1939 году согласилась, так же как Эстония и Литва. Войска СССР вошли в Латвию в октябре 1939 года. Контингент из 25 000 солдат встречали, исполняя государственные гимны, произнося речи, проявляя дружбу. А ведь октябрь 1939 года был временем, когда происходил выбор. Вождь согласился, а жители не протестовали, не устраивали восстания. Государство добровольно согласилось сдать одну большую державу, в сферу интересов которой мы оказались вовлеченными на полвека. Власть сдалась и послушно выполняла все, чего от нас требовала держава. По большому счету именно с октября 1939 года началась планомерная подготовка Латвии к интеграции в сферу интересов СССР. А значит, нет основания использовать термин «оккупация».

О Польше в сентябре 1939 года нет сомнений. Польша была оккупирована. Латвийское государство исходило из настроений жителей. Большая часть жителей пережила ужасы Первой мировой войны, когда линия фронта пересекала Латвию. Добровольное согласие на аннексию для этой части жителей казалось меньшим злом по сравнению с бессмысленным, с военной точки зрения, сопротивлением. Поэтому говорить об оккупации Латвии в 1939 и 1940 годах - значит, грешить против истины и создавать основанную на лжи идеологическую конструкцию.

Конечно, многие хотят, чтобы отношение к нам было таким же, как к Польше или Финляндии, которые выбрали вооруженное сопротивление агрессорам. Но мы не сделали такой выбор. По отношению к этому периоду использовать термин «оккупация», мне кажется, не является исторически правильным. То, что произошло, можно определить как «добровольное согласие на аннексию».

Янис Урбанович: «У этого нет связи с той нагрузкой, которую вносят в слово «оккупация»... Тестирование на факт оккупации происходит в духе традиций тоталитаризма и служит доказательством того, что эти традиции живы. Те, кто борется за всеобщее признание оккупации, делают это только для того, чтобы оправдать сегрегацию общества, раскол и изоляцию».

Юрис Пайдерс: «События 1939 и 1940 годов можно сравнить с действиями двух солдат. Один сражался, стрелял, боролся, был тяжело ранен (как Польша) и попал в плен к противнику. Другой солдат решил, что сопротивление превосходящей силе бессмысленно, и сдался в плен без единого выстрела (выбор Латвии). Вопрос: кто из них воевал? Без сомнения, воевал тот, кто стрелял, боролся и был взят в плен (был оккупирован). А другой? Можем ли мы называть борцом того, кто при появлении противника поднял руки, отдал

оружие и сдался на милость победителя?»

Янис Урбанович: «Хорошее сравнение, поскольку сейчас солдат, который сдался без единого выстрела, начнет всем рассказывать: «Я же был оккупирован, мне положены такие же почести, как и тем, кто героически сражался!» Действия Латвии в 1939 году нельзя сравнить с действиями солдата, который, как польская армия в 1939 году, в безнадежной борьбе продолжал сопротивляться».

Юрис Пайдерс: «Нам самим может не понравиться это сравнение. Мы, конечно же, не хотим, чтобы кто-то таким образом интерпретировал действия и выбор латвийских властей.

21.06.1940. Освобождение политзаключенных из Рижского центра.

Мы говорим: это была оккупация, хотя на самом деле это не была оккупация. Произошла аннексия. И выяснить, поддерживало ли большинство народа выбор правительства Улманиса, сейчас невозможно. К тому же система управления Латвии в 1939 году содержала элементы авторитаризма и тоталитаризма. И этот вопрос жителям не мог быть задан».

Янис Урбанович: «...И все же есть вещи, которые невозможно объединить. Если мы говорим, что была оккупация, то не можем глорифицировать Улманиса. Вождь одновременно был хорошим и решил сдаться, и одновременно была оккупация. Это не сочетается друг с другом, но в Латвии это работает.

С другой стороны, оккупация - это фиговый листок для того, что многие называют стыдом предательства. Танки были, значит, была оккупация. Слово «оккупация» было принято, чтобы этим термином скрыть стыд за несопротивление».

Выбор Улманиса - выбор элиты

Юрис Пайдерс: «Не будем все сваливать на Улманиса. Улманис был не один. Вокруг него были министры, генералы и руководители, без которых он бы не смог руководить страной. Он был только вершиной пирамиды. Решения не были единоличными. Если бы он принял решение, против которого выступало все его окружение, он бы не смог это решение реализовать.

Выбор октября 1939 года - это выбор политической элиты Латвии. В свою очередь если народ не саботировал решение политической элиты, значит, народ тем, что не протестовал, утвердил (легитимизировал) выбор элиты. На мой взгляд, наблюдая за происходящим в то время во всей Европе, большей части общества нечего было возразить против этого решения.

И поэтому называть события 1939 и 1940 годов оккупацией, если под оккупацией мы понимаем именно военное завоевание, нельзя.

Было ясное проявление желания руководства Латвии: если мы находимся в этой сфере интересов, то мы готовы послушно в нее интегрироваться. И, пожалуйста, оставьте нам какие-то атрибуты независимости - хотя бы ограниченную свободу действий. Но Сталин, к сожалению, этим просьбам не внял, и аннексия в конце концов превратилась в инкорпорацию в форме союзной республики.

Справедливости ради надо отметить, что оккупационный режим Германии в Латвии в 1941 году не предполагал даже такую форму автономии, какую ей дал статус автономной республики».

Янис Урбанович: «Цинично продвигая тему оккупации, политическая элита делает то же самое, что и советская элита. И допускает ту же самую ошибку. История строится на лжи и нестабильном фундаменте. Для истории, для понимания истории надо предусмотреть место и в повестке дня будущего. Если прошлое сейчас оценивается неправильно, то и будущее строится неправильно. Это аксиома.

Улманис был справедливым вождем. И все же Улманис подготовил общество Латвии к тоталитаризму. В этом можно убедиться, проследив, как легко латвийское общество приняло культ нового вождя и как быстро коммунизм заменил пропаганду национализма. В большинстве своем массы были готовы согласиться с любым диктатом власти, главное - чтобы была правильная или правящая идеология. Общество было готово принять любую идеологию, если она исходила от власти.

И сейчас наблюдается нечто похожее. Что является критерием того, является ли понимание правильным или неправильным? Оно должно исходить от власти. Если предложения исходят от носителей власти, то они являются правильными, если с другого полюса - от оппозиции, то они являются плохими. Единственный критерий - правда только за властью! И сейчас мы живем точно так же. Власть - это арбитр и судья правды. Власть может любым способом изменять законы, идеологию, изменять сама себя, менять героев. Власть может все, власть от Бога. И если общество является тоталитарным, то государство не может не быть тоталитарным».

Посмотрите в зеркало!

Игорь Юргенс: «Историю нельзя повернуть назад, и единственное, что можно сказать, оправдывая лидеров XX века, - невозможно принимать совершенные и абсолютно безупречные решения. В любом решении будет определенное несовершенство. И, может быть, не будем становиться судьями. С точки зрения сегодняшних знаний очень легко осуждать и поучать других. Государственные деятели, которые принимали решения в то время, не знали и не могли знать, каким будет будущее и насколько правильным или неправильным будет их выбор с точки зрения будущего».

Юрис Пайдерс: «Я публично много раз критиковал Улманиса за предательство национальных интересов в 1939 и 1940 годах. Но сейчас, после того как я «прошел» через все эти документы и горы исторических свидетельств, которые рассмотрены в книге, я больше не могу быть так категоричен. Улманис был великим государственным мужем, которого судьба заставила искать выход из

ситуации, в которой любое решение будет плохим. На мой взгляд, мы все должны взять на себя определенную преемственность ответственности за действия и выбор правительства независимой Латвии.

Если мы хотим быть честными по отношению к самим себе, мы не можем все то плохое, что происходило на нашей земле, сваливать только на немецких оккупантов или советскую власть. Государственная власть Латвии подготовила общество к участию в тоталитарной системе. Из этого проистекает, что мы несем часть ответственности за Холокост и участие в преступлениях нацизма, а также за участие в репрессиях советского времени».

Янис Урбанович: «...Я призываю общество посмотреть на себя в зеркало и постараться увидеть там не то, что хочется видеть, а объективно оценить то, что мы сделали, чтобы не определить направление будущего неправильно. От того, как мы понимаем прошлое, зависит наше будущее. Наша история - это черновик нашего будущего».